

Анастасия Разгуляева

КЛАСС МОЛОДОЙ РЕЖИССУРЫ

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР «ШКОЛА СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЫ»

ФИНАЛ КОНКУРСА «ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА»

23 МАРТА 2016 ГОДА

Из российских театральных глубин часто слышится просьба посоветовать хорошие современные пьесы, и чтоб без мата. Им можно было рекомендовать лабораторию «Класс молодой режиссуры», которая прошла в московском театре «Школа современной пьесы» и знаменовала собой финал драматургического конкурса «Действующие лица».

В шорт-листе – 10 пьес. Жюри из 87 молодых режиссеров – студентов и выпускников театральных вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и Минска – выбирало пьесы, которые само хотело бы поставить. Такой подход принципиален для театра Иосифа Райхельгауза: «Драматургия – особый вид литературы, обретающий новую жизнь (порой кардинально отличную от оригинала) в руках режиссера, который чаще всего выступает не интерпретатором, а автором спектакля» (из официального релиза «Действующих лиц»).

Пьесы, набравшие наибольшее количество голосов, были представлены в рамках «Класса» в формате 15-минутных эскизов. За это короткое время можно оценить литературные достоинства текста, составить представление о характерах персонажей, об умении строить диалоги. Эскиз очень удобен и для молодого режиссера, который может продемонстрировать свои умения. Правда, эффектный эскиз не обещает хорошего спектакля: по фрагменту невозможно понять, сможет ли режиссер достроить «здание» целого спектакля, хватит ли у него дыхания и изобретательности не на 15 минут, а на 3 часа.

«Класс молодой режиссуры» продолжался полдня, но вместил в себя массу новых имен – как драматургических, так и режиссерских. Одиннадцать работ показали ученики Кудряшова, Крымова, Погребничко, Каменьковича, Райхельгауза и Козлова. В них отразилась не только собственная режиссерская индивидуальность, но и личность Мастера.

Эскизы демонстрировались на разных площадках театра: на основной сцене, на малой, в фойе и даже в кафе. Таким образом, проект превратился для зрителей в своеобразный перформанс-бродилку.

Блиц-брифинг для прессы

Эскиз №1. Загадочный

Олег Михайлов. «Клятвенные де́вы».
Режиссер Иван Комаров
(Киев, Киевский национальный
университет культуры и искусств)

Албанские женщины-бурнеши, клятвенницы получают в полном объеме то, за что ломают копыя феминистки – права и привилегии мужчин. Но за это платят свою цену – обетом безбрачия, отказом от женской сути, одиночеством. Казалось бы, что общего у закрытого, скованного древними традициями албанского общества с нашим? Но ведь традиции, идеология, семейные установки властны и над нами, они ломают и наши жизни тоже. Так следует из текста Олега Михайлова, пожалуй, самого глубокого из всех, выбранных для показа.

Эскиз, к сожалению, не показал ни глубины пьесы, ни множественности ее смыслов. Красивая «картинка», залитая мертвящим белым светом в пикселах штрих-кода, вызывающих ассоциации и с непрерывным дождем, и с распадом, не была наполнена действием. Три статичные фигуры в одинаковом, подчеркнуто эмоциональном тоне рассказывали нам о семейной вендетте. Уповать только на силу текста – не лучшее решение, а речи-

тация на одном звуке имеет свой выразительный эффект только в храмовом пространстве.

Эскиз №2. Романтический

Виктория Бугаева. «Глупости».
Режиссер Никита Беляев
(ГИТИС, мастерская
А. Галибина, 2 курс)

В основе незамысловатого сюжета – любовный треугольник. Вера любит Рика, а он боится начинать новые отношения. Пережив трагедию в прошлом, так сказать, обжегшись на молоке, дует на воду. Макс, болтун и рубаха-парень, тайно любит Веру, но жертвенно «обрабатывает» Рика, чтобы тот был к Вере благосклоннее. Бытовые диалоги сдобрены изрядным юмором, личные трагедии не поднимаются до обобщений, типажи узнаваемы. Все это делает пьесу легкой для восприятия, интересной, но... необязательной.

Технически эскиз был решен с помощью переключений света: все три героя присутствуют на сцене одновременно (как и в жизни друг друга), а свет выделяет ту пару, которая в этот момент взаимодействует. Прием бесхитростный, и динамизм эскизу придавала в основном игра актеров.

«Клятвенные
де́вы».
Режиссер
И. Комаров

«Глупости».
Режиссер Н. Беляев

«Хуманитас
инжиниринг».
Режиссер
О. Галицкий

Эскиз №3. Исповедальный

Мария Зелинская.
«Хуманитас инжиниринг».
Режиссер Олег Галицкий
(ВГИК, мастерская В. Ахадова)

Пьеса из разряда «о чем думают и говорят мужчины и женщины», разрабатывающая вечный сюжет о Пигмалионе и Галатее. История поиска идеального партнера (в данном случае создание робота-модели) послужила толчком для очень точных, забавных и горьких наблюдений над психологией взаимоотношений мужчины и женщины. Подчеркнуто разговорный, порой жаргонный язык довольно навязчив, требует не только органичной интерпретации, но и, на мой взгляд, редакции: тонкие наблюдения порой теряются в многословии. Поскольку автор – женщина, то наиболее убедительны и пространны куски, посвященные героине. Неудивительно, что режиссер выбрал для показа фрагмент, где героиня одна. При этом он нашел простую, эффектную, интересную и вместе с тем деликатную форму для публичного психологического эксгибиционизма, которым занимается главная героиня: компанию ей составляет пара «внутренних» голосов, инверсии собственного «я» – образ нежный и романтический, «девочки-девоч-

ки», и образ властной хозяйки своей жизни. Зрителю эти «голоса» даны тенями в подсвеченных квадратах окон.

Запомнилась исполнительница главной роли: Дарья Гайнулина была предельно естественна и спонтанна, а потому после просмотра эскиза хотелось узнать, что же будет дальше.

Эскиз №4. Жесткий

Виктор Алексеев. «Prank».
Режиссер Никита Бетехтин
(ГИТИС, мастерская
Л. Хейфеца, 4 курс)

Prank – это провокация, хулиганство, изначально телефонное, в последнее время перешедшее в видеоформат, с последующим перемещением в сеть. В пьесе Виктора Алексеева *prank* становится полем классовой борьбы. *Prank* берут на вооружение два подростковых лидера. Один видит в нем социальный эксперимент, живой театр, позволяющий людям понять свои реакции, взглянуть на себя со стороны, стать лучше, в конце концов. Для другого *prank* становится жестоким способом самоутверждения. Главный герой, воспитанный в среде новой «аристократии», уверен, что каждый человек сделает все, что угодно, если ему заплатить, вопрос лишь в цене. Он проводит серию психологических «экспериментов», все более жутких, и утверждает в своей безнаказанности – но напаривается на силу, которой для самоутверждения не нужны деньги. *Prank* – средство коммуникации с обществом – дает возможность вскрыть проблемы и «слабые места» этого общества. На этом примере показана и амбивалентность любого художественного приема, который может быть направлен равно на добро и зло. С его помощью показан и процесс отказа человека от многих убеждений ради денег. И он же стал поводом еще раз напомнить, что деньги могут не все: им противопоставлены человечность, достоинство и «высшая справедливость». Другое дело, что «высшая справедливость» принимает порой уродливые и асоциальные формы.

Пьеса жесткая, но многообещающая, и Никита Бетехтин сумел достигнуть в рамках эскиза редкого реалистического эффекта – словно часть нашей жизни, история, происходящая рядом с нами. Когда главный герой блуждающим взглядом искал в толпе

зрителей жертву для своего следующего эксперимента – люди поеживались...

Эскиз №5. Стандартный

Михаил Хейфец.
«Rock-n-roll на закате».
Режиссер Владимир Разманов
(ТИ им. Б. Щукина, мастерская
Ю. Погребничко, 5 курс)

После триумфального успеха пьесы «Спаси камер-юнкера Пушкина» было особенно интересно познакомиться с новой пьесой М. Хейфеца. Мелодраматическая история про двух пожилых людей, нашедших друг друга на закате жизни, полезна для парного бенефиса. То есть тема выбрана безошибочно, но нужно сильно постараться, чтобы получилось что-то свежее и незаезженное. В тексте М. Хейфеца много занимательных деталей, но в целом пьеса далеко не так оригинальна, как тот же «Пушкин». Несмотря на иронический ракурс авторского взгляда, то, что герои постоянно цапаются друг с другом, довольно быстро надоедает. Что и подтвердила несколько ученическая, иллюстративная режиссура В. Разманова: за 15 минут зрители успели соскучиться.

Эскиз №6. Нестандартный

Михаил Хейфец.
«Rock-n-roll на закате».
Режиссер Катерина Мажуль
(ВГИК, мастерская В. Меньшова)

То, что два режиссера взяли для постановки эскиза одну и ту же пьесу – прекрасно! Нет ничего интереснее, чем наблюдать разность характера, мышления, фантазии режиссеров, видеть, как трансформируется и по-разному оживает один и тот же текст. Катерина Мажуль продемонстрировала большую свободу фантазии, насытив свой краткий эпизод огромным количеством

«Prank».
Режиссер
Н. Бетехтин

«Rock-n-roll на
закате».
Режиссер
В. Разманов

придумок, иронических отсылок, вещественных «комментариев». Ее трактовка текста Хейфеца стала интересной, на мой взгляд, именно потому, что реализовывалась не по тексту, а вопреки ему. Фейерверк сценических фокусов, дополненный кричаще яркими красками одежды и фона, создавал ощущение комикса (особенно способствовал этому ощущению живой золоченый Купидон, за короткое время успевший вырасти от пятилетнего карапуза до сорокалетнего бездельника). Интересно,

«Rock-n-roll на
закате».
Режиссер К. Мажуль

что Михаил Хейфец, присутствовавший в зале, отметил этот эскиз как максимально отвечающий духу его пьесы – при том, что с текстом режиссер обошлась весьма вольно. Наверное, именно потому, что ключевым приемом для нее, как и для автора, стала ирония.

Эскиз №7. Парадоксальный

Алексей Глухов.

«Благополучие города Тес».

Режиссер Алексей Золотовицкий

(ГИТИС, мастерская О. Кудряшова)

Не зря – не осуждая, но восхищаясь – режиссеру дали диплом «За убийство пьесы». Возвышенный, романтический, с элементами сказочности сюжет о средневековых лекарях, ищущих лекарство от чумы, в руках Алексея Золотовицкого превратился в кровавую мистическую драму. Фонтаны крови и куски сырой печени в руках актеров не вызвали тошноты – конфликт слов с «картинкой» порождал невероятный комический, почти цирковой эффект. Образец высокого театрального хулиганства. Хотя есть важное «но»: хороший литературный язык, идеалы, которые проповедует пьеса – все, в общем-то, было отодвинуто на задний план

ради внешнего эффекта, искры, высеченной от скрещения смысла слов с видимым действием.

Эскиз №8. Утонченный

Борис Подгайный. «Кофе молотый»

Режиссер Анна Соколова

(РГИСИ, мастерская Г. Козлова)

Поток сознания, разговор с самим собой, попытка оградить самого себя, оправдать, принять себя любого... Таковы основные сюжетные мотивы психологического триллера в форме монопьесы с безобидным названием «Кофе молотый».

Поставить пьесу на одного актера – наверное, самая сложная задача для режиссера. В диалогах рождаются те «петельки-крючки», которые цепляют внимание зрителя, а для монолога важно не только найти актера, который будет интересен на протяжении длительного времени, но придумать для него режиссерский «ход», смену эмоциональных планов, найти «изюминки», которые заменят эффект человеческого взаимодействия. Анна Соколова, кажется, умеет это делать. Она переосмыслила пространство, поставив длинный, почти бесконечный стол с белоснежной скатертью –

«Благополучие
города Тес».
Режиссер
А. Золотовицкий

«Кофе молотый». Режиссер А. Соколова

единственную декорацию – в проходе зрительного зала. Она владеет светом: поместить своего героя в контровом свете во главе этого стола – значит скрыть до поры его лицо, заинтриговать. Она владеет цветом: на фоне строгих черно-белых красок скатерти сочно сияет оранжевый апельсин в руках жутковатого повара, рассуждающего о своей жизни и мечтающего убить свою жену, так текуче движется и перекачивается, что от него невозможно оторвать глаз. При этом видимый образ совершенно затмил сюжетно-текстовую часть – становится почти не важно, что говорит тот, кто заворочил нас движением яркого шарика... Стилль, страх и боль соединились в этом небольшом, но очень запомнившемся эскизе.

Эскиз №9. Молодежный

Юлия Тупикина. «Вдох-выдох».
Режиссер Оксана Погребняк
(ГИТИС, мастерская
И. Райхельгауза, 1 курс)

История из жизни подростков была представлена почти подростком – студенткой 1 курса ГИТИСа и ее одноклассниками.

Это попытка современным языком рассказать о вечной проблеме «гадкого утенка» – личности, обретающей себя, ищущей единомышленников, а также о множестве других проблем, как сопряженных с главной, так и отдельных от нее: проблема Другого; отцы и дети сегодня; духовная нищета подрастающего поколения; насилие над личностью...

Юлия Тупикина умеет простым, вполне бытовым и даже сниженным языком говорить о сложных вещах, вскрывать болезненные нарывы общества. Она ищет выход и практически всегда его находит.

Что касается первого опыта режиссуры, то он получился несколько сумбурным: за беготней молодежи, режущим светом фонариков, направленным в лица, и шуршанием синего полиэтилена удалось разглядеть значительный запас фантазии, но не удалось разглядеть пьесу.

Эскиз №10. Эмоциональный

Елена Ерпылева.
«Трюк Албанова в момент тихой катастрофы».
Режиссер Денис Федоров
(Брест, Белорусская
государственная академия искусств)

Сложносочиненная пьеса с любимым русским психологическим «разрывом души», разветвленной системой любовных связей, снов, с многочисленными похоронами, легкой уголовщиной, выяснениями отношений и прочими приметами 90-х не поместилась в заявленные 15 минут. Плазменные панели, отсчитывающие эти минуты в обратном порядке, давно застыли на нуле, а перед нами все еще разворачивался второй эпизод драмы бедного учителя музыки Албанова (которого играл Олег Шапков), с его широкой, любвеобильной и милосердной душой. Особую радость доставил выбор актеров: фееричная жена Албанова,

*«Трюк Албанова
в момент тихой
катастрофы».
Режиссер
Д. Федоров*

затюканная ученица, таинственная вдова – все эти женщины составляли гармоничную компанию О. Шапкову.

Эскиз №11. Психологический

Гала Узрютова. «Утка смотрит».
Режиссер Константин Муханов
(ГИТИС, мастерская
Д. Крымова и Е. Каменьковича, 5 курс)

Снова, как и в большинстве предыдущих пьес, в основе сюжета – взаимоотношения полов. Отцы и дети, ревность и неврозы, придуманные страхи и не придуманная боль одиночества. Иррациональный, глупый, с нашей точки зрения, страх, что за жизнью персонажей наблюдает утка – символом всей сегодняшней «прозрачной» жизни в соцсетях.

Режиссер в своей работе использовал как самые прямые средства (все герои выстроены в один ряд на авансцене); так и более затейливые – спущенные провода штанкетов, к примеру. То ли человеческие джунгли, то ли виселицы, то ли веревки, спущенные с небес в помощь людям. Утка присутствует не только в тексте – сначала она визуализируется в видео-

проекции и, наконец, выходит на авансцену во плоти, знаменуя овещствление наших выдуманных страхов.

Режиссерский подход к эскизам можно условно разделить на три группы:

1. Прямое следование тексту. В этой ситуации режиссер – ведомый, и при таком подходе успех эскиза целиком зависит от драматурга (качества текста) и уровня игры актеров. Максимум режиссерской работы – внешнее «раскрашивание» текста сценическими средствами: свет, движение, музыкальное сопровождение становятся важнее, чем слова. Палитра может быть разнообразной, движение на сцене может быть быстрым, но это, как правило, не избавляет от внутренней статичности. К этой группе, как мне кажется, можно отнести эскизы Ивана Комарова, Никиты Беляева, Владимира Разманова, Оксаны Погребняк, Константина Муханова.

2. Борьба с текстом, попытка режиссера выстроить действие наперекор написанному или добавить в текст новые, парадоксальные смыслы с помощью «картинки» (Алексей Золотовицкий, Катерина Мажуль). Момент зрительской вовлеченности очень велик. Эскизы буквально нашпигованы эффектными и шокирующи-

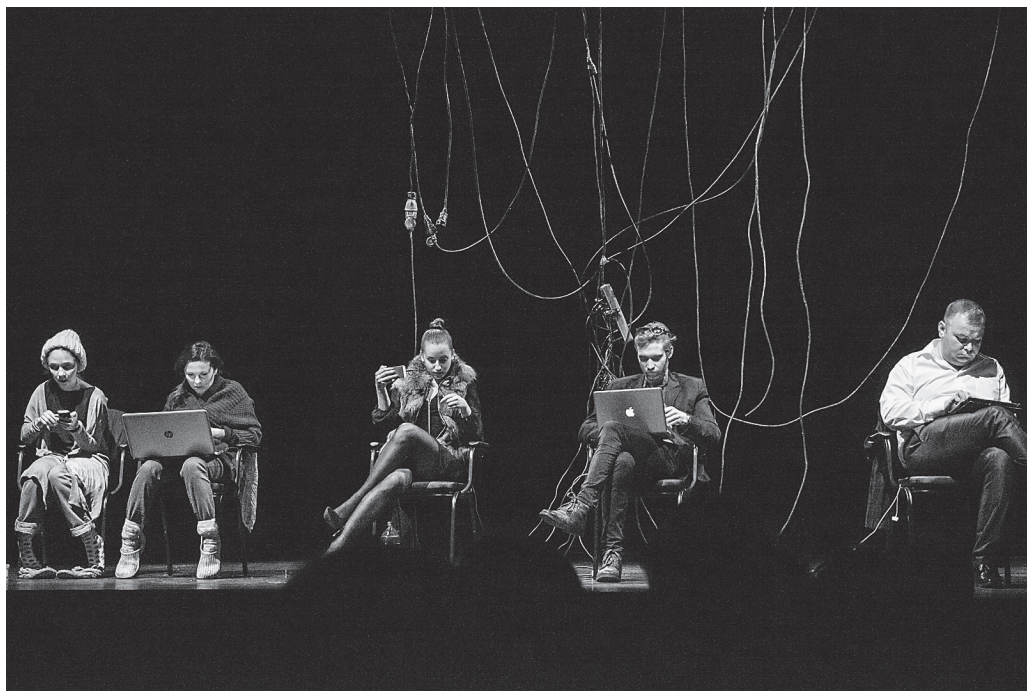
ми деталями, аллюзиями, «сырыми», быстрыми реакциями, поскольку осмыслить эмоцию порой не хватало времени, такой был задан темп. Зрителю показывают фокусы, зритель хохочет, ужасается, зритель в восторге! Но эти эскизы оставили в итоге ощущение завершенности, самодостаточности, отдельного «капустного» номера. И не очень понятно, каким образом режиссеры планируют развивать свои истории дальше: вызывает большие сомнения сама возможность их развития.

3. Попытка за 15 минут сделать текст «живым», найти интересный режиссерский ход, почувствовать перспективу (такими мне показались эскизы Олега Галицкого, Никиты Бетехтина, Анны Соколовой, Дениса Федорова). У Олега Галицкого ход очевиден: попытка визуализировать наши «внутренние я». Никита Бетехтин и Денис Федоров создали очень жизнеподобные, полные внутренней мотивации, а потому,

как мне кажется, жизнеспособные фрагменты, которые вполне могут разрастись до целого спектакля. Собственно, «Трюк Албанова» разросся уже на проекте. Что касается эскиза Анны Соколовой, то он был решен как эстетский психологический этюд, не получивший завершения, но в завершении нуждающийся.

Четыре часа режиссерских исканий имели свой материальный итог: две режиссерских заявки были признаны лучшими и станут полноценными спектаклями на территории «Школы современной пьесы» в следующем сезоне.

Победителями стали Катерина Мажуль и Никита Бетехтин. Объявляя победителей, художественный руководитель ШСП Иосиф Райхельгауз добавил: «В этом году конкурс проводился в шестой раз. По сравнению с предыдущими показами, профессиональный уровень молодых режиссеров

*«Утка смотрит».
Режиссер К. Муханов*

■ Pro настоящее

вырос необычайно. Каждый этюд оказался вполне законченным мини-спектаклем, который в полной мере представил пьесу, на основе которой был поставлен. Если бы у театра была производственная и финансовая возможность, мы приняли бы к постановке пять или даже шесть заявок – настолько профессионально и талантливо они были сделаны. В итоге взяли две. Пьеса «Rock-n-roll на закате» будет поставлена на большой сцене. «Prank» по пьесе Виктора Алексеева – история резкая, молодежная,

экспериментальная. Никита Бетехтин показал этюд на необычной площадке – в кафе театра. И там же мы будем играть этот острый и шокирующий спектакль».

На самом деле этот итог – только начало: начало работы молодых режиссеров на профессиональной сцене и начало сценической жизни новых пьес. В добрый путь!

*Блиц-брифинг
для прессы*

*Финальное
обсуждение*

